

⁷ *Разумова И. А.* Баня в народных верованиях и сказке // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 93, 95, 97.

⁸ *Логинов К. К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 42.

⁹ Самую устрашающую быличку на эту тему автор записал в д. Пильмасозеро Пудожского края. В ней повествуется о том, как местный старик, не верящий в существование банных духов, пошел мыться в баню в ночь на Пасху. В наказание за это с деда якобы заживо банные хозяева сняли кожу и повесили ее на стену. Тело же утащили под пол.

¹⁰ *Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю.* Баня в семейном быту карел... С. 83–84.

¹¹ *Логинов К. К.* Девичья обрядность русских Заонежья // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 74–75.

¹² *Логинов К. К.* Девичья обрядность русских Заонежья... С. 73–74.

¹³ В Заонежье наибольшей целебной силой наделялась «Богородицкая трава», сорванная в Иванов день на о. Радколье, на котором в последнее перед Ивановым днем воскресенье вплоть до 1928 г. устраивался специальный праздник в честь большого каменного идола.

¹⁴ *Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю.* Баня в семейном быту карел... С. 77; *Степанова А. С.* Карельские свадебные причитания и ритуальная свадебная баня // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 123.

¹⁵ *Лесков Н. Ф.* Поездка в Корелу // Живая старина. 1892. Вып. 3–4. С. 291.

¹⁶ Славутность девушки не была однозначным понятием и включала в себя такие составляющие, как красота и здоровье, сексуальная привлекательность («сексапильность»), также и слава девушки как рукодельницы, хорошей работницы и честной дочки честных (наиболее частый вариант – богатых) родителей.

¹⁷ *Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю.* Баня в семейном быту карел... С. 74–76.

¹⁸ *Логинов К. К.* Девичья обрядность русских Заонежья... С. 66.

П. Лааксонен

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КАРЕЛИЮ, или ДНЕВНИК МОЛОДОГО ФОЛЬКЛОРИСТА¹

Осенью 1972 г. я отправил в Финляндскую академию письмо-заявление, в котором просил обратить внимание на «выдачу стипендий, основанных на договоре о сотрудничестве и обмене специалистами в 1973–1975 гг., заключенном между Академией наук СССР и Финляндской Академией». Я надеялся познакомиться с научными учреждениями Ленинграда и Петрозаводска и, прежде всего, получить возможность принять участие в экспедиции по сбору фольклорного и этнографического материала, организуемой петрозаводчанами. В конце мая 1973 г. я получил

письмо из Института Советского Союза (научное учреждение в Хельсинки. – *Ред.*). В нем сообщалось, что «Академия наук СССР может принять Пекку Лааксонена в соответствии с протоколом сроком на три недели».

Среда, 20 июня 1973

Московский вокзал Ленинграда кишит народом. Вместительный зал вокзала кажется довольно новым. Поезд в Петрозаводск легко найти. Это длинный поезд, в который направляется много народа – солдаты, гражданские, туристы. Последние, скорее всего, едут посмотреть Кижы. Ко времени отправления поезда в соседний вагон приводят важных гостей, которые говорят по-немецки. Делегация из Восточной Германии направляется на празднование 270-летия Петрозаводска. На сумках господ и дам красуются таблички с надписью «VIP».

Как сказано в путеводителях, СССР – страна свободных нравов в том отношении, что при размещении пассажиров в купе спальных вагонов поезда не производится разделения по полу, т. е. мужчины и женщины могут попасть в одно купе. В купе, которое указано в моем билете, размещается еще восточногерманская пара и молодая женщина, которая говорит по-русски, а также по-французски.

Четверг, 21 июня 1973

На вокзале Петрозаводска наш поезд встречает праздничная делегация, которая, конечно же, встречает не меня, а гостей из Восточной Германии. А меня встречают исследователь сказок и причитаний Унелма Конкка и исследователь народных песен и ингерманландской свадьбы Эйно Киуру. Эйно взял мой чемодан, и мы, не дожидаясь такси, пошли пешком до гостиницы «Северная».

Мы гуляем по городу. Нас ждут в институте только к 11 часам. Мне вежливо предоставили время для отдыха. Однако я не чувствую себя уставшим и продолжаю прогулку с Эйно. Мы приходим на набережную в конце проспекта Ленина, где находится новая площадь. На середине площади стоит совсем новый памятник, который еще вчера был накрыт покрывалом. Теперь же по какой-то причине покрывало с памятника снято, хотя открытие назначено только на завтра. Под высоким гранитным изваянием надпись кириллицей: Отто Куусинен. Значит, в городе, основанном 270 лет назад Петром Первым, воздвигли памятник финну.

По рассказам именно на этом месте еще несколько лет назад стояло бревенчатое здание с общими очертаниями, свойственными карельской культуре, – старый дом какого-то богатого купца. Возможно, это был единственный в своем роде дом в Петрозаводске. Недалеко от этого мес-

та еще осталось несколько кварталов, здания в которых напоминают о старом городе. Также известно, что ведутся разговоры о благоустройстве и сохранении этих кварталов. Эти серые дома, стоящие посреди летней зелени, кажутся оригинальными и, по крайней мере, живописными. В других районах города тоже встречается довольно много бревенчатых строений в хорошем состоянии.

День довольно жаркий. Мы возвращаемся в гостиницу и идем перекусить в буфет. После этого направляемся в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР. Институт находится на пятом этаже нового здания. Здравуюсь с людьми – фольклористом Сантрой Степановой, Зоей Трофимчик, исследователем ингерманландских песен Элиной Кюльмясуу и кем-то еще. Вскоре в комнату входит этнолог Роза Никольская (Тароева), карелка с людиновскими корнями, которая одновременно работает ученым секретарем всего Карельского филиала.

Спрашивают о новостях, передаю приветы, обмениваемся любезностями. Узнаю программу: завтра утром отправляемся в д. Сельги, которая находится в Медвежьегорском районе, недалеко от Падан. Имя села – Selli, но говорят также Selki, первое произносится на местном диалекте мягко – *sel'li*. Группа исследователей из Петрозаводска прошлым летом работала в д. Евгора, а теперь собиралась продолжить в новой деревне. Отъезд в экспедицию приурочили к моему приезду.

Сейчас самое время заняться подготовкой. Самое главное – связаться с Матти Есканеном – преподавателем финского языка Петрозаводского университета. Едем туда с Эйно на машине филиала. В СССР на дверях нет табличек с именами, только очень важные персоны вывешивают имя на дверь, но мы находим Есканена. Семья готовится к переезду. Через неделю они собираются вернуться в Финляндию после 6 лет пребывания в Петрозаводске. Приятно удивленный хозяин приглашает нас войти. Основное наше дело – одолжить у Матти запасной магнитофон с пленками.

Пятница, 22 июня 1973

В нашу группу входит водитель – тихий мужчина средних лет, несомненный профессионал, кроме того, во всех отношениях симпатичный. Основная группа специалистов состоит из Унелмы Конкка, которая с самого начала поездки является нашим ответственным руководителем, лаборанта Зои Трофимчик, ингерманландки по происхождению, а также этнографа Анны Хокконен, которая изучает карельскую вышивку. Четвертый член нашей группы – энергичный и веселый фотограф Галина Рапацкая. Унелме за пятьдесят, Зое около 30, Анне что-то около 25, Галине 26. В общем, довольно молодая компания.

Позже к нашей группе присоединятся еще Роза Никольская и Алекси Конкка, 24 года, сын Унелмы, которые должны прибыть во вторник. После них приехали еще две молодые московские студентки родом из Петрозаводска. В конечном итоге наша группа получилась довольно большой – всего 9 человек.

Внедорожник филиала направляется на север – двое сидят впереди, четверо – сзади. Места не очень много, но достаточно. Я с интересом разглядываю меняющиеся пейзажи: березовые леса, поля, на которых только-только пробиваются ростки, жилые поселки. В деревнях много скота: коровы и овцы ходят даже по дороге. В районе Шуи навстречу попадают цыгане². Вначале трое мужчин в сапогах и в темной одежде. Через какое-то время встречается также женщина с ребенком на руках, завернутым в одеяло. Довольно длинная юбка, но все-таки не такая парадная и цветная, как у наших цыганок. Я не спрашивал о количестве цыган, но, судя по всему, в Петрозаводске их проживает целая община. В какой-то момент их распределили на жительство в определенный квартал города. Но позже они, в большинстве своем, покинули новое жилье, что случается, например, по причине межродовых конфликтов. Были попытки организовать для цыган постоянные места работы, но рассказывают, что летом они все время куда-то уходят. Говорят, что до сих пор проявляется их тяга к лошадям. Позже я узнал, что в Паданах есть одна цыганская семья, которая, кроме цыганского и русского языков, говорит и по-карельски. Кроме того, глава семьи еще и гармонист. Жители Падан рассказывали, что иногда слышали, как цыгане поют свои песни.

В машине ведется оживленный разговор, который переходит от темы к теме. Унелма сегодня в разговорчивом настроении – она рассказывает о различных случаях из опыта ее многосторонней жизни. Она жила в Петрозаводске после окончания войны, но успела поработать учительницей в Ругозере и Калевале. Сантра Степанова одна из ее бывших учениц. Сантра рассказала, что именно Унелма в свое время пристрастила ее к фольклористике.

Все кажется новым и странным, захватывающим. Пейзажи становятся все более деревенскими. Спасская Губа – как красочная открытка: красивый ряд домов на другом берегу тихого залива. Вскоре после Гирваса заканчивается асфальт. Впереди грунтовая дорога, которая во многих местах ремонтируется. Машина едет, ловко объезжая ухабы. Тряска – это ничего, хотя сиденье довольно жесткое, но пыль, поднимающаяся над нами после каждой обгоняющей или едущей навстречу машины, начинает раздражать. Но наша группа героически переносит неудобства пути.

К вечеру мы добираемся до д. Евгора. Заезжаем во двор дома, где год назад квартировала экспедиция. В доме пожилая женщина Мари Туруева после дружеских приветствий начинает с быстротой молнии ставить на огонь самовар и накрывать на стол.

В горнице белые обои, на кухне, отгороженной перегородкой, большая печь. В «большом» («красном»). – *Ред.*) углу радио, на стенах висят фотографии, как принято в России. Около двери место для мытья рук. Очень приятное жилье. Пьем чай и угощаемся. Насколько я понял, Зоя когда-то даже работала в Евгоре. Она довольно бегло говорит по-карельски, по крайней мере, так же быстро, как и рассказчик. Мое знание карельского языка неудовлетворительно. Мне приходится напрягаться, чтобы понять, о чем идет речь. Много незнакомых слов, и сложно уследить за ходом разговора. Потихоньку мы заканчиваем чаепитие и подтягиваемся к машине.

Около 10 часов вечера перед нами наконец-то открываются первые дома д. Сельги. Останавливаемся в центре деревни и выясняем ситуацию. О квартире, видимо, уже есть предварительная договоренность. К нам подходит мужчина: «Едем в Северный Конец, к Тоне. Там квартира». Вначале Унелма с проводником заходят в дом прояснить ситуацию. После этого 18-летняя дочь Надя выходит поздороваться с нами и приглашает внутрь. В доме находится группа соседей. Здравуемся со всеми. Потом выносим наши вещи из машины во двор и стряхиваем с них основную пыль. Нас приглашают за стол пить чай с пирогами и прочими лакомствами. Гости уходят.

По сравнению с прочими деревенскими строениями, «наш» дом чуть больше среднего размера. Это бревенчатое здание с трехскатной крышей, построенное в 1929 г. Мне показалось, что строение выглядит гораздо старше. Старая техника строительства и архитектура здесь в основном сохранилась еще с довоенных времен. По дороге, а также в д. Сельги я видел строящиеся бревенчатые дома – доступный для населения материал широко используется. Наше же жилище отличается от старого карельского дома в первую очередь тем, что в нем отсутствует сарай – помещение на втором этаже хозяйственной части. Здание в хорошем состоянии во всех отношениях. Везде очень чисто.

В доме живут две женщины: Антонина Ивановна Кондратьева (род. в 1929 г. в с. Сельга, д. Северный Конец) и упомянутая ранее ее 18-летняя дочь Надя. Антонину Ивановну называют Тоней, она работает в сельсовете секретарем. Дочь работает как в конторе леспромхоза, так и в сельсовете. Видимо, работа Тони в сельсовете объясняет то, что именно она принимает нас.

В доме напротив живет семья Тониного дяди, которая ведет с Тоней и Надей частично общее хозяйство. В данный момент эта семья состоит из трех человек: дядя Макар (по-карельски Макко) Харитонович Гурьев (род. в 1906 г., в с. Сельги, д. Северный Конец), его жена Евдокия Егоровна Гурьева (род. в 1906 г. в с. Паданы) и их 25-летний сын Володя. О всех детях мы не спрашивали, но одна из дочерей замужем и живет в Никеле (Мурманской области. – *Ред.*). Макко и Дуня на пенсии, но активно занимаются домашним хозяйством. Макко, которого называют стариком, – лучший лодочных дел мастер и плотник. Худой мужчина с лаской во взгляде, постоянно одетый в сапоги и выгоревшую рабочую одежду. Из-под кепки выбиваются прямые седые волосы, которые, похоже, даже после бани невозможно уложить.

Если Макко – само усердие и скромность, то Дуня – классический образец этакой матроны с веселым характером. Пышные формы, темные веселые глаза, непринужденный вид, исключительно красноречивая манера рассказывать и громкий пронзительный смех. Володя же – тихий молодой человек. Он работает в Паданах на сплаве. Володя одет по городской моде. Рубашка в полоску, на которой со стороны спины так много ткани, что она образует целый мешок. Штаны довольно узкие и застегиваются выше пояса. Подобный наряд часто встречался в Петрозаводске, но в Ленинграде уже гораздо реже. Володин друг одет точно так же. Тоне немного за 40, среднего роста, она смешанной крови, синеглазая, и, в отличие от большинства женщин ее возраста, сохранившая свой вес в полном порядке. По карельским, а особенно по русским критериям ее вполне можно назвать худой. Надя находится в лучшем своем возрасте, плотная, рослая девушка, наверное, самая красивая в селе. Она понимает по-карельски, но говорит немного. Зато Володя говорит по-карельски очень хорошо.

На улице темнеет, мы сидим за столом и пьем чай. Из дымящегося самовара наливается чашка за чашкой. Разговор идет по-карельски, иногда какие-то вещи обсуждаются по-русски. Меня, конечно же, представили как финского парня, и это, похоже, вызывает общий интерес, который изначально не выражается в словах, а только в молчаливом любопытстве. Финны для них не чужие, но в последнее время из Финляндии гостей не было слышно. Они вежливо спрашивают: «Как вы живете в Финляндии?» Я отвечаю в общих чертах. Я и сам изучаю ситуацию и пытаюсь нащупать атмосферу. Я запомнил одну фразу Тони, показавшуюся мне забавной: «Хочется посмотреть на Карелию?» Отвечаю, что, конечно, хочется. Красивая синева спокойного Селецкого озера виднеется через окно горницы, состоящее из шести квадратов. Сейчас самое темное время, темнее уже не будет.

Мне сделали постель в чулане, в каморке, находящейся рядом с сенями. Над кроватью повешен полог от комаров. Каморка наполнена теплым запахом старой бревенчатой постройки и хлева, к которому примешивается запах продуктов. В хламе, накопившемся в моем закутке, вижу старую жестяную банку из-под чая финской фирмы «Paulig». Вчера исполнилось 32 года с начала Второй мировой войны. С чердака доносится щебетанье ласточек.

Суббота, 23 июня 1973

Субботнее утро такое же безоблачное и жаркое, как и в предыдущие дни. Вода в озере еще прохладная. Селецкое озеро довольно большое (5 x 15 км), и от деревенского берега виден лишь один остров – значит, оно должно быть и глубокое. Остров, который находится в трех километрах от деревни, называется Махосоори. На нем издревле проводились престольные праздники. На Петров день там всегда собиралось много народа – старых и молодых. Говорят, сейчас туда тоже ездят люди, но, видимо, в основном старшего поколения. Когда-то на острове была и часовня, которую позже перенесли на материк и превратили в рыболовецкую избушку. Махосоори (от кар. *maho* «беременный». – *Ред.*) получил свое название из-за формы – один из его концов округлым холмом возвышается над водами озера.

В Сельгах около 500 жителей. Мне не дали точных данных по разделению жителей по возрасту или полу, однако в глаза бросается, что пожилых мужчин явно меньше, чем пожилых женщин. Последствия войны – это одна, но, видимо, не единственная причина этому. Молодежи меньше, чем людей других возрастов. Детей довольно много. Я не смог выяснить количество школьников, но учителей, кажется, около двадцати, отсюда можно сделать кое-какие выводы.

Село расположено на восточном берегу Селецкого озера и частично находится на возвышающейся над озером гряде, на сельге. Село делится на шесть частей или деревень: Северный Конец (*Pohjeree*), который, в свою очередь, делится на Передний и Задний концы (*Etu-*, *Taka-Pohjeree*), Погост (*Pogosta*), Берег (*Rannankylä*), Наволок (*Niemenkylä*), Южный Конец (*Suvenkylä*), Пряккиля (*Präkkilä*). К Пряккиля также относятся дома, стоящие на другом берегу реки, и та часть называется Rinne («угор» или «склон». – *Ред.*). Из названий деревень видно, что их этимологизация не представляет сложностей, кроме названия *Präkkilä*. Мне не удалось выяснить происхождение этого названия, несмотря на все распросы.

Вид на центральную часть с. Сельги, группа елей справа – кладбище д. Ранта. Фото П. Лааксонена, 1973 г.

Самые большие деревни – Погост и Южный Конец. В каждой из них около 30 домов. В Северном Конце и Пряккиле по десятку домов. В д. Берег их около пятнадцати. Погост расположен на самом высоком месте гряды, Северный Конец – ниже, ближе к Берегу. Южный Конец находится немного выше него, на восточном берегу реки, текущей с юга, а д. Пряккиля – на противоположном берегу той же реки.

В Сельгах четыре кладбища, в Северном Конце – Изоссима (Зосима), которое находится в березовой роще, кладбище д. Берег именуется Мииккула (Микола) и расположено в ельнике и кладбище д. Пряккиля – Мянниккё (Сосняк) – соответственно в сосновой роще. Кладбище д. Погост носит название Грязнойзет. Изоссима и Мииккула получили свое название от ранее находившихся там часовен. Таким образом, почти у каждой деревни есть собственное действующее кладбище, что видно и по примятой траве тропинок. Посетители оставляют на могилах чай, сахар, сигареты. На каждом кладбище были совсем свежие могилы, на крестах – фотографии покойных. К крестам и даже некоторым веткам деревьев были привязаны лоскуты ткани, видимо, для нужд покойников. На кладбище Мииккула д. Берег растут большие ели, некоторые из них разбиты молнией или свалены сильным ветром и лежат прямо на старых могилах. Для облегчения прохода от одного гигантского дерева отпилен кусок. Видимо, существует правило, по которому нельзя трогать деревья на кладбище, даже поваленные. Интересно было бы узнать побольше о названиях и принципах наименования кладбищ.

Село расположено на довольно обширной территории. Лес вокруг деревни вырублен, местами растет лишь низкий лиственный лесок. На по-

лях растет трава, местами в полудиком виде, как на пастбище. Село Сельги является вспомогательным хозяйством Паданского леспромхоза, и его предназначение – производство продуктов животноводства. Светлые летние ночи и следующий из этого быстрый рост травы являются подспорьем для эффективности скотоводства в данных широтах. Большая часть женщин работает в животноводстве, мужчины же – на сплаве и лесозаготовках.

Постройки в основном – это некрашенные бревенчатые дома с двух- или трехскатной крышей. Среди них в д. Южный Конец есть несколько домов, окрашенных в зеленоватый цвет. Дороги огорожены косыми изгородями, сделанными из жердей. О постоянном передвижении коров и овец по огороженным проулкам в дневное время сообщает веселый перезвон колокольчиков.

Во многих домах есть телевизор – их количество легко посчитать по антеннам, закрепленным на длинных рейках. Радио есть в каждом доме, небольшая коробочка, установленная, как правило, в углу горницы, по которой все время идут какие-то программы, иногда даже финноязычное вещание из Петрозаводска. В то время как радио работает целый день, электричество в селе подключается только на 6 часов – с 18 до 24. Из-за последнего обстоятельства мне приходится регулировать использование батареек. В центре села работает также небольшая масляная или дизельная электростанция, которая временами подает электричество на нужды животноводства.

Место, где собираются местные жители – клуб, находится в центре Погоста в бывшей часовне, на которой сбита башня колокольни, но пристроено дополнительное крыло. Здание окрашено в зеленый цвет, и на стенах развешаны красные таблички. Во дворе клуба расположено возвышение, на которое установлена трибуна. Также около клуба находится остановка автобуса, окрашенная в безвкусный синий цвет, и выкрашенная серебряной краской ограда с памятником павшим, на котором цветастые пластмассовые венки.

В клубе устраивают всякого рода праздники. Его еженедельное использование выглядит следующим образом: в субботу и воскресенье

Пекка Лааксонен,
с. Сельга. Фото Г. Рапацкой,
1973 г.

танцы, которые заканчиваются в 24 часа; во вторник, а когда и в четверг или пятницу – кино. Не так еще давно, на престольных праздниках, девушки могли прямо с танцев «выскакивать» замуж, т. е. после танцев уходили с парнем к нему домой и оставались там. Старинные свадебные церемонии уже, конечно же, в прошлом, в то время как похороны сохранили общие черты старинных ритуалов. В женитьбе нет особой мистики, а в смерти все-таки есть.

Из Сельги на престольные праздники ездили в следующие деревни – Prokkola (Юккогуба), Laazari (Лазарево), Paatene (Паданы), Suonnal (Сондалы), Jouhivaara (Евгора), Maaselkä (Масельга), Petelniemi (Петельнаволо), Lissepohja (Лиссепохья), Ahvenjärvi (Ахвенъярви), Ontajärvi (Ондозеро), Kuusiniemi (Куусиниemi), Jänkjärvi (Янгозеро), Semsjärvi (Семчезеро), Huumarinen или Gumarino (Гумарино)³.

На лошадях из Шуньги и Повенца везли ткани, муку, сахар и соль, а туда – меха, дичь и рыбу. Кроме того, из Сельги многие ездили на заработки в русскоязычное Заонежье. Возможно, что этим частично объясняется значительное русское влияние в карельском языке и культуре населения села. История Сельги как центра по производству железа из озерной руды могла бы составить отдельную главу повествования, но к этой теме я сейчас не буду обращаться.

Вот о чем стоит сказать здесь особо, так это сундуки для одежды старых бабушек. Мы по нескольку раз просили показать нам их содержимое. Там же были одежда, передники, сорочки и длинные женские рубахи. Когда по нашей просьбе старые, поиссохшие от возраста женщины надевали одежду, изготовленную ими 40–50 лет назад, и показывали как подола юбок трепещут в танце, казалось, как будто ожили музейные восковые фигуры. Только теперь я понял, насколько элегантными по своему крою, расцветке и узорам были в свое время эти одежды, выполненные с безупречным вкусом. С точки зрения исследователя текстиля, Сегозерье – настоящая золотая жила. Из разговоров петрозаводских исследователей я понял, что этот район единственный, где традиционная карельская техника ткачества и вышивки сохранилась до сих пор. Во многих домах нам показывали хорошо сохранившиеся полотенца. Мы выносили их на улицу и фотографировали. Показательно, что старики ни за какие деньги не откажутся от своих сокровищ. Говорят, такие вещи очень сложно заполучить даже музеям. И раз уж речь зашла о тканях, то следует отметить, что во многих домах сохранились прялки, которые до сих пор используются в этих краях.

Конечно же, я не единственный путешественник по Карелии, у которого сложилось такое впечатление, что в Карелии всегда есть еда на сто-

ле. Приезжаешь ли ты, или уезжаешь, всегда нужно посидеть за столом: «Syögee, syögee, juogee, juogee». («Ешьте, ешьте, пейте, пейте».) Исследователю сельской жизни, приехавшему из города, пища на карельском столе не только кажется слишком плотной и сытной – она такая и есть. Но стоит сказать, что к этому быстро привыкаешь: пироги, творог, хлеб, рыба, кисели, простокваша, суп и чай по несколько чашек зараз, все это, невзирая на устоявшиеся дома привычки. Кроме этого, у нашей группы были еще и собственные припасы: вареные макароны со свиной тушенкой с раннего утра задавали бодрости на весь день.

Сележские полотенца (цвет преимущественно красный с использованием зеленого и черного). Фото П. Лааксонена, 1973 г.

В каждом доме растят картофель для себя. Выращивание овощей в Сельги, как, впрочем, говорят, и в остальной Карелии (не считая Олонца), не в моде. Картофель наших хозяев снаружи выглядит черным, но вкус очень хорош⁴. Они не используют дополнительные удобрения, так что продукт можно назвать биодинамическим. Конечно же, в чистом Селецком озере много рыбы, там водится даже лосось. В это время года во многих домах ели окуней. В сети Макара Харитоновича попадалась и довольно большая плотва. Основные лососевые тони, по рассказам, были в свое время на порогах реки Лужмы в паданской стороне. В лесу, конечно же, много ягод. Есть и дичь, но какова доля охоты в хозяйстве, я не знаю.

В селе нет колодцев – всю воду носят из озера. Носят ее двумя ведрами на коромысле. Издавна носить воду было чисто женской работой, хотя в настоящее время встречаются и исключения. На берегу озера много серых строений – маленьких бань. По субботам над всеми ними нависает синеватый дымок. Если говорить о чистоплотности, то надо сказать, что

в дверном углу каждой избы висит (иногда очень старый, медный) руко­ мойник, что говорит о традиции общей и индивидуальной чистоты.

Когда я вернулся с берега, в доме меня ожидал чайный стол, накры­ тый так же обильно, как и вечером. За столом обсуждаем программу на день. Решили, что сначала Зоя отправится с Унелмой и со мной в Погост, где мы собирались найти старую женщину, которая должна уметь испол­ нять плачи. Сам я решил на первом этапе работы не брать интервью са­ мостоятельно, хочу в течение какого-то времени просто послушать речь.

**На рыбалке. Лесник Валерий
и Алексей Конкка**

Фото Г. Рапацкой, 1973 г.

После чая мы отправляемся. Доро­ га из Северного Конца в Погост круто поднимается по склону холма. На вер­ шине горы я оборачиваюсь – Селец­ кое озеро теперь видно во всей красе, Северный Конец скрылся за склоном и только тонкие опоры антенн выгля­ дывают над горизонтом. Поля сияют яркими желтыми лютиками.

Приходим в центр Погоста. На площадь перед клубом привезена гру­ да толстых стволов берез для зимнего отопления, которые, видимо, собира­ ются расколоть на месте. Рядом с ку­ чей дров топчется стадо овец. Мы на­ правляемся в небольшое зеленое зда­ ние магазина. Наши женщины спра­ шивают у продавца, где живет Мария Дмитриевна (или по-местному Мит­ рёвна, именно так везде у П. Л. – *Ред.*). Продавец начинает объяснять, к

ней присоединяется и часть покупателей. Кто-то замечает, что в магазине находятся внуки Марии Дмитриевны, указывают на 13-летнего мальчика, на руке которого повисла маленькая девочка. Мальчик идет показывать дорогу, чего на самом деле вовсе не стоило делать, так как дом оказался в 200 метрах от магазина. Погост не такая уж большая деревня.

В доме нас встречает дочь Марии Дмитриевны Брёккиевой. Скоро по­ является и сама хозяйка, полноватая женщина с внимательным, оцени­ вающим взглядом. Она родилась в 1907 г. в Погосте и прожила здесь всю жизнь. Начинаем интервью, осторожно спрашивая о престольных празд­ никах. После этого переходим к описанию свадеб, о чем в этих краях у женщин возраста нашей рассказчицы можно получить подробные отве-

ты. В свое время свадьбы с плачами были событиями их юности, которая приходилась на 1920–1930-е гг. В жизни деревни это был переломный момент – в деревнях начинали вводить колхозную систему, от которой позже отказались.

Вскоре в двери появилась подруга детства нашей рассказчицы, Мария Васильевна Локкина, которая родилась в 1910 г. здесь же, в Погосте, и так же, как и Мария Дмитриевна, всю жизнь безвыездно прожила. Она очень любит поговорить и любит попеть. По глазам старушек было видно, что гостям рассказывают не все, что происходило с ними в поездках на престольные праздники. Несколько раз общие воспоминания вызывали веселый смех. Скоро дверь открылась снова. В избу зашла радостная кареглазая женщина с красивой сединой, Анна Захаровна Логинова, которая родилась в 1906 г. в Сондалах (Suontale), что за Паданами. Когда-то она вышла в Погост замуж. Ее можно было бы охарактеризовать как «моторный тип»: руки двигаются (как, впрочем, и у многих других), сопровождая разговор, а когда речь заходит о танцах, Анна Захаровна встает с лавки и показывает, как правильно танцевать тот или другой танец или показывает, что делает невеста на определенном этапе свадебной церемонии. Но рассказчики на этом не заканчивают. Следующей к компании присоединяется Парасковья Яковлевна Локкина, старая женщина с громким голосом, родившаяся в 1902 г. также в д. Погост. Участницы «беседы» отвечают на вопросы, смеются, кричат и поют так, что в ушах звенит. В самом конце записи компания пополняется еще одной рассказчицей – Клавдией Ивановной Туруевой, которая родилась в 1910 г. в Прокколя (Юккогуба) и так же вышла замуж в Погост. Она известная плакальщица, хотя и не исполняла в этот раз причитаний. Все наши рассказчицы – вдовы и сейчас на пенсии. По крайней мере, Анна Захаровна живет одна, а у остальных, очевидно, были обязанности бабушек. Они загорелые и выглядят вполне цветущими.

Должно быть, воспоминания о прошедших днях являются причиной того, что им все еще не чужды задиристые девичьи шутки. Туруева, надо сказать, напротив, кажется тихой и уравновешенной старушкой. Она родственница (возможно, жена сына) известного сказителя из Сельги Тимо Туруева, у которого записывал сказки профессор Новиков из Ленинграда. От Туруева еще во время войны записывал лингвистический материал Пертти Виртаранта⁵.

Я просил фиксировать на магнитофон побольше ситуаций обычных разговоров (не интервью). Поэтому пленки содержат материалы, записанные на улице и за чаем, что, по крайней мере, очень интересно с лингвистической точки зрения. В доме Марии Дмитриевны мы записывали больше

двух часов. Бабушки рассказывали о свадебных обычаях, танцах, о том, как и когда пели песни, о поднятии лемби⁶, о бытовой магии, рассказали несколько преданий и быличек, а также кое-что о своей жизни, событиях времен войны, при этом постоянно отвлекались на обсуждение будничных дел. Дрова оказались очень актуальной темой для разговора – одним уже привезли, другим нет.

Надо сказать, что все это не помешало старушкам спеть около сорока народных песен и частушек. Общее название для песен здесь – *rajo*, короткие четверостишия называются частушками, более длинные песни – *pitkä rajo*. В отдельную группу по стилю и темпу танца выделяются кадрилиные и ланцевые песни. Последний девушки танцуют друг с другом, меняя руки, и водят хоровод. Кадриль же состоит из шести частей или колен, в каждой из которых разный шаг и отдельная мелодия. В какой-то момент танца топают ногами о землю. Большая часть песен, особенно частушек, исполняется на русском языке. В репертуаре присутствует также несколько песен на финском языке, выученных, видимо, в школе или во время войны.

«Посиделки» в д. Пряккиля в ожидании похорон

Первая слева этнограф Анна Хокконен (Косменко),
на траве: Роза Никольская (сидит), Пекка Лааксонен и Унелма Конкка.
Фото Г. Рапацкой, 1973 г.

Складывается впечатление, что традиция быличек и мифологических рассказов, касающихся верований и сверхъестественных сил и существ, еще жива, по крайней мере, среди женщин находящихся на пенсии. Их роль в жизни села в качестве комментаторов, переносчиков и источников

информации должна быть очень существенна, более существенна, чем это может казаться деревенской молодежи или населению среднего возраста. Однако субботний день уже перевалил за половину. Рассказчицам пора начинать топить бани. Мы возвращаемся к себе на квартиру. Дядя Макко затопил нашу баню еще с полудня. Туда можно будет пойти сразу после чая. Сначала идем мы с Макко, позже к нам присоединяется Володя.

Передняя бани довольно маленькая. Если смотреть от двери, то слева хранятся сети, запчасти для лодочного мотора и что-то еще. Справа маленькая скамейка, вешалка и окно, выходящее на озеро. Сама баня изнутри оказалась больше, чем казалась снаружи. Печь большая, посередине ее среди камней черный котел. Полки слева на уровне верхнего края печи, на полу маленькие скамейки для мытья. Макко берет на себя обязанности банщика – он подкидывает пар и предлагает похлестать мою спину веником.

Макко спрашивает, из какой части Финляндии я родом, жив ли мой отец, был ли на войне и в каких краях. «По крайней мере, должен был быть в Петрозаводске», – отвечаю. «Даа, даа», – говорит Макко и улыбается от всей души. Он рассказывает, что сам был на войне где-то за Медвежьегорском, сталкивался и с финнами. Удивительно, сколько в этом простом человеке (столь часто обсуждаемого в нашем обществе) сердечного такта и ума, деликатности, вежливой предупредительности и просто природной сообразительности.

Я ходил ополаскиваться в озеро, хозяева нет. Днем в озере купаются маленькие дети, но взрослых, даже молодежь, я ни разу не видел купающимися. Возможно, здесь так не принято. А может быть, вода еще слишком холодная. Возвращаемся из бани. Традиционно в Финляндии люди, приходящие из бани, говорят: «Привет из бани», здесь же, наоборот, пришедших из бани приветствуют словами: «С легким паром».

Стол для чая снова накрыт, на этот раз для мужчин. В свою очередь в баню идут наши женщины. В честь субботы на столе стоит маленькая бутылка водки (0,25 л). В некоторых петрозаводских кругах такая бутылка называется «воробьем». Недавно в СССР заметно подняли цены на алкоголь. Говорят, цена на коньяк выросла почти на 200 процентов, цена на водку, видимо, изменилась не так сильно, но изменения произошли в качестве. «Столичная», более качественная водка, исчезла из магазинов для туристов, а в обычных магазинах можно купить только два сорта: обычную водку и «экстру». В обоих одинаковое количество процентов, но «экстра» дороже и немного чище – сделана, видимо, из более обструганной доски.

Беседуем спокойно и заинтересованно. Чувствуется, что старшее поколение хорошо помнит «житье под финнами» времен войны. В те

времена в Погосте была автомастерская, где работал некий человек по имени Калле, очень популярный среди населения. Я сдерживаюсь, чтобы не расспрашивать о том времени более подробно, хотя хотелось бы. Система снабжения и школа работали; несмотря на запреты военной полиции, скрытно устраивали танцы; финны организовали в каком-то помещении лютеранскую церковь.

Когда Унелма возвращается из бани, я достаю магнитофон и Дуня, или Евдокия Егоровна Гурьева, и Макар Харитонович Гурьев рассказывают о том, как «лес прятал коров» (*metsänpeitto*), ночных кошмарах (*rainajainen*) и колдовстве, связанном со скотом. Разговор начался тогда, когда выяснилось, что девочки после шести ходили за молоком, но молока им не досталось. Суть, конечно, была не в старом запрете не давать чужим людям молоко после шести часов вечера, но это было поводом для начала разговора.

Сейчас около восьми часов вечера. Надя весь вечер ходила в халате с красными щеками, на голове бигуди. Теперь все готово: прическа налажена, платье одето, туфли на ногах. Она собирается на танцы в клуб. Туда же собирается и Володя, но, конечно же, не с Надей. Унелма советует мне пойти вместе с Володей. Володе нравится эта идея, я немного сопротивляюсь, но потом все-таки решаю пойти.

Итак, мы с Володей мужественно отправляемся на субботние сележские танцы. По дороге беседуем о Володиной работе, о том, в каких краях он бывал. Между нами существуют небольшие трудности в понимании. В Володином карельском языке много примесей из русского. Вокруг клуба не видно людей, только несколько велосипедов и мопедов. Музыка слышна на улице. Внутри вдоль стен расставлены скамейки, и они заполнены народом. Мы садимся на свободные места. На стороне иконостаса построена сцена. Перед занавесом висит белая ткань для показа кинофильмов. Место для танцев хорошо освещено. На противоположной стене зала находится печь, обитая жестью. Общее цветовое впечатление зеленое. Сбоку от сцены висят портреты героев труда, а также какие-то рабочие фотографии. Над ними висят большие портреты Брежнева и Косыгина. Входных билетов нет, нет и буфета. В задней части зала стоит большая зеленая посуда, из которой желающие могут зачерпнуть кружкой воды для питья.

Музыка исходит из установленного на сцене проигрывателя, которым заведует женщина в платке. Кажется, она ставит пластинки из лежащей перед ней кучи без разбора, но периодически что-то ищет – возможно, поступают какие-то заказы. Основная часть музыки – советские хиты, но позже примешивается и западная поп-музыка (вечнозеленые «Битлз»),

чаще всего в русском переложении, но иногда и в оригинале. В какой-то момент играет финская «летка-енкка».

Стиль танца мне неизвестен: молодые люди держат девушек двумя руками за талию, девушки же кладут руки парням на плечи или предплечья, пары двигаются, слегка покачиваясь в стороны, а некоторые и вообще стоят на месте. Так танцует большинство, но в клубе присутствует также и «инновационная группа» из 3–4 парней, которые при звуках поп-музыки танцуют по-современному поодиночке, но своей группой, без девушек. Так же делает и пара девушек. Даже одежда «новаторов» отличается от общей массы: удлиненные волосы, кое у кого модный ремень, у одного какие-то цепи на поясе, из-под рубашки выглядывает цветной шейный платок из тонкого материала. Все одеты в лучшую одежду, на нескольких юношах пубертатного периода одеты полные костюмы. Между передней и залом постоянно снует туда-сюда орава ребятишек, которым, кажется, всегда хочется пить. По крайней мере, они постоянно гремят посудой для питья.

Одну из скамеек заняли старушки, которые следили за происходящим и обменивались многозначительными взглядами. Я замечаю, что здесь присутствуют, по крайней мере, Мария Дмитриевна Брёккиева и Парасковья Яковлевна Локкина, которые, завидев меня, кивают мне как знакомому. Бабушки то и дело поворачивают накрытые платками головы друг к другу и перешептываются. Информация передается, ничего не остается неизвестным. В один момент Парасковья Яковлевна мне эмоционально показывает, крутя рукой: «Давай, Пекка, иди же быстрее, приглашай!» Я приглашаю Надю и танцую с ней танец вежливости в соответствии с преобладающим здесь стилем танца. Старушки одобряюще кивают. О чем же они сейчас шепчутся?

В какой-то момент идем с Володей в переднюю. Желаящие могут там покурить. Вокруг нас собирается группа энергичных деревенских парней. Они спрашивают у меня, как там в Финляндии, танцуют ли там такие же танцы, как здесь. Пытаюсь давать положительные ответы. Все они кажутся вполне искренними и симпатичными.

Поход в клуб и знакомство с молодежью в самом начале работы положительно сказалось на последующем моем пребывании. Позже при встрече парни здоровались и относились ко мне как к старому знакомому. Интересно и познавательно было для меня общаться на современные темы на таком диалекте, который я слышал только на пленке или проходя теорию на лекциях по истории фонетики языка олонецких карел. Все парни говорили по-карельски. Часть из них работает в Паданах, часть – в Медвежьегорске. В 24.00 свет гаснет, и танцы заканчиваются.

Воскресенье, 24 июня 1973

На безоблачном небе светит солнце. Мы с Унелмой и Галей направляемся в сторону Заднего Северного Конца (Така-Рохъярää) на кладбище Изоссима. Тропинка ведет нас через цветущий луг. Кладбище находится в березовой роще. Свежая могила мужчины, умершего молодым, заметно отличается от остальных. Она огорожена оградой, окрашенной в серебристый цвет, могила и крест украшены цветными пластмассовыми венками. Рядом с могилой установлены скамейка и маленький стол. Дальше в глубь кладбища среди деревьев виднеются как стоящие, покосившиеся, так и полностью поваленные кресты. На некоторых ветвях деревьев висят потрепанные полоски ткани, такие же лоскуты привязаны на некоторых крестах.

Недалеко от большой березы я замечаю металлический оклад от иконы. На иконе были изображены два святых и даже теперь на раме можно разобрать надписи на церковно-славянском языке, но мы не можем понять, что именно. Возможно, что эта икона из когда-то стоявшей здесь часовни. Икона была такая большая, что ее вряд ли когда-то держали в красном углу избы. В Сельги я только в одном доме видел новую бумажную икону в углу горницы у бабушки Уллиевой. Еще у Александры Филипповны Мироновой была старая красивая икона, которую нам показывал ее муж, но она хранилась на шкафу. Думаю, что иконы можно найти среди старых вещей в домах.

После возвращения домой и традиционного чая мы отправляемся к нашим вчерашним бабушкам. Стол накрыт: чай, картофельные и ячменные пироги, красиво разрезанный рыбник из язя. Едим и переходим в другую комнату, заднюю стену которой занимает большой портрет Карла Маркса, на другой стене Ленин выступает перед толпой, около третьей стены стоит кровать, а у четвертой – шкаф для посуды с частично остекленными дверцами. Такие шкафы имеются почти в каждом доме. Бабушки поют песни, рассказывают о беседах с прядением (так называемые рабочие беседы или беседы с работой. – *Ред.*), престольных праздниках, свадьбах, танцах и о войне. Туруева пересказывает слова плачей, но не решается исполнить их по-настоящему. Тут легко возбуждающаяся Анна Захаровна начинает исполнять настоящий плач, сначала о собственной жизни, а потом плач о смерти своей дочери. У бабушек глаза на мокром месте: «Действительно плачет». Наконец, Анна заходится (*areutuu*) так, что уже не может продолжать. Всех обуревают печаль, и проходит некоторое время, пока присутствующие не успокаиваются. Бабушки начинают снова смеяться.

Вернувшись обратно, я услышал, что меня зовут. Макко с Володей ездили проверять сети и теперь на берегу вместе с Надей выпутывают из сетей большую ряпушку и корюшку. Я отправился за ними, чтобы сделать несколько снимков. Здесь все еще не используют нейлоновые сети. Красивые поплавки сетей сделаны из березовой коры.

Под вечер собираемся на новую прогулку. На этот раз отправляемся с Унелмой в д. Южный Конец. По пути в центре д. Погост мы останавливаемся, чтобы сфотографировать фасад полуразрушенного, но в свое время густо украшенного резьбой дома бывшего купца (дом купца Тихонова. – *Ред.*). В окне дома напротив появляется мужчина, который начинает с нами разговор. Просим и у него разрешения зайти. Мужчину зовут Пекка Иванович Локкин (род. в 1906 г. в с. Сельги, д. Погост). Он говорит по-карельски с некоторой примесью финского. Рассказывает нам много о прошлом деревни: о первых жителях, плавке железа, названиях сторон света, днях недели, престольных праздниках и свадебных хлопотах. Он не знает мифологических рассказов и вообще относится к этой традиции довольно прохладно. «Здесь не знают преданий о кладах, – говорит он, – потому что, дескать, бедным карелам нечего было в землю прятать». На вопрос, где находится Лапландия, получаем интересный ответ: Ругозеро (Rukajärvi) и Реболы (Repola) – это Лапландия, а Ухта (Uhtua) – это уже Северная Лапландия. Беседуем с Локкиным около часа, потом продолжаем путь в Южный Конец.

Приходим на перекресток трех дорог в центре Южного Конца. Ведем разговор с двумя женщинами, у одной из которых на голову одета сорока (традиционный головной убор замужней женщины). Скоро вокруг нас собирается довольно много людей. Нас провожают к старейшей жительнице деревни. Ее зовут Елизавета Ивановна Рыболовлева (род. в 1895 в с. Сельги, д. Берг). Вместе с нами в дом набивается много народа. На краю кровати сидит седовласая, но довольно расторопная старая женщина, у нее высокий голос. Вначале она кажется не очень заинтересованной и предлагает нам спрашивать у тех, у кого «голова моложе». Со временем ситуация становится более непринужденной, и я достаю магнитофон. Здесь же находится и молодой хозяин дома – большой, крепкий, плотный, настоящий медведь. Послушав нашу довольно туманную беседу, он дает дельные советы по поводу ведения интервью. Примерно такие: вы, гости, спрашивайте как следует, а вы, бабки, отвечайте на вопросы по делу, четко и ясно.

Вторник, 26 июня 1973

Утром во вторник нас провожает ярко сияющее солнце. Отправляемся в д. Задний Северный Конец, до которой от нашего жилища всего

несколько сотен метров. В последнем доме этой деревни должна жить плакальщица. Перед самым выходом из дома мы видели, как мимо прошли три старухи. Унелма предположила, что они возвращались с кладбища. Значит, они ходили причитывать на кладбище Северного Конца.

Между Задним и Передним Северным Концом нам навстречу попадает пожилой мужчина в шляпе с полями и портфелем в руке. Это Степан Иванович Зайцев (род. в 1900 г. в д. Мяндусельга), который приехал из Медвежьегорска навестить родственников. Он рассказывает о родной деревне и даже решается спеть какую-то песню. Он говорит на вполне понятном мне карельском языке. Тут к нам присоединяется возвращающаяся из магазина в Задний Конец Мария Дмитриевна Матвеева. Прямо здесь, посреди дороги, еще относительно молодая, полная сил женщина поет нам несколько самых популярных в деревне песен. Но поет так, что все село ее слышит, где-то даже раздается эхо.

Нам услужливо сообщили все знающие собеседники, что в доме, где мы поселились, прибавилось народа: приехали Роза Никольская и Алекси Конкка. Мы возвращаемся домой, здороваемся и обмениваемся новостями. Приехавшие слышали, как Матвеева поет на улице и сначала удивились: что за необъявленное мероприятие. После еды интервьюировали наших хозяев. Дуня и Макко на этот раз рассказывают нам о рыбалке, хранении рыбы, заготовке сена, о деревнях, которые входят в состав села. Роза на основании какой-то русской книги по этнологии спрашивает о названиях частей лодки и кережки (ahkiö), а также о способах их изготовления. Макко можно верить, ведь он объясняет эти вещи «из первых уст», потому что сам прекрасный плотник. Еще мы получаем ценные сведения о большой карельской семье.

Вечером решено всем вместе пойти в клуб смотреть кино. Над сценой повешена белая ткань и скамейки поставлены в ряды. Цена за вход 20 копеек. Показывают какой-то польский детектив. Вернувшись из кино, мы с Алекси решаем сходить на рыбалку. Живущий по соседству доброжелательно улыбающийся сельский лесник Валерий, который немного младше меня, обещает отправиться с нами на своей лодке. Алекси, Галя, Надя, Валерий и я, накопив червей, отправляемся на озеро. Валерий отвозит нас на моторной лодке к камню в нескольких сотнях метров от берега. Ловим окуней и плотву. Наловив рыбы, перекусываем хлебом, луком и солью, которые Галя взяла с собой. Вот и вечерняя трапеза. Когда мы вернулись, было уже далеко за полночь. Светло. Перед сном разговариваем с Алекси еще, наверное, часа полтора. Птицы уже начинают просыпаться перед новым днем.

Среда, 27 июня 1973

Вчера мы услышали, что есть возможность побывать на похоронах – тело умершей в соседней деревне старушки должны привезти сегодня в Пряккия. Поэтому мы решили, что будем на месте уже рано утром.

Похоронная процессия отправляется на кладбище д. Пряккия.

Гроб несут на полотенцах

Фото П. Лааксонена, 1973 г.

Дорога пылит, день будет жарким. В д. Южный Конец мы встречаем группу пожилых женщин, которые идут ожидать приезда покойницы. Мы присоединяемся к ним. Уже издалека мы видим, что на стороне Пряккия, на перекрестке собрались люди. На краю дороги, на бревне сидит с десяток старух, разговаривающих между собой. Обстановку никак нельзя назвать скорбной. Бабушки галдят – обмениваются новостями. На другом берегу реки около домов пасется скот. Нежный перезвон колокольчиков доносится через реку на сторону Прякккылы.

Старухи отвечают на наши вопросы, смеются, тут же причитывают и поют в ожидании покойницы. Из разговоров улавливаем, что, возможно, следующей ночью в доме покойной будут проводиться бдения (valvojaiset), так было завещано. Время идет, но ничего не происходит. Из ближнего дома кого-то зовут на чай. Некоторые идут. Боевая с виду женщина лет сорока подходит прямо к нам и приглашает на чай.

Вслед за гробом, постоянно причитывая, идет плакальщица (М. И. Стафеева), рядом – Пекка Лааксонен

Фото Г. Рапацкой, 1973 г.

Крест на свежей могиле на кладбище д. Пряккиля

Фото П. Лааксонена, 1973 г.

Так наша компания переходит в ближайший дом. Я записываю беседу за чаем, Роза беседует на темы этнологии. Попив чая, мы возвращаемся к женщинам и продолжаем наши расспросы. Время уже приближается к четырем, женщинам начинает надоедать ожидание. Наконец, кто-то объявляет, что пойдет домой заниматься домашними делами, и вся группа в скором времени разлетается как стайка птиц. Роза и Анна Хокконен ушли к женщине по фамилии Коппалова, живущей в конце деревни. Мы с Алекси пошли пешком в сторону дома через д. Берг.

На другом берегу мы поднимаемся на холм над деревней посмотреть кладбище. Кладбище д. Берг представляет собой величественную еловую рощу, в середине которой лежат деревья, поваленные молнией. Ходим по кладбищенским тропкам. На некоторых могилах обнаруживаем принесенные покойникам сигареты, на перечине одного из крестов подвешен котел и сверху на тот же крест положены два кусочка сахара. Один намогильный крест украшала табличка со стеклом, под которым я увидел множество цветных ниток, связанных узелками. На ветви деревьев были привязаны лоскуты ткани. Вид от кладбища вниз на озеро, как на пасторальной картинке в книге: луг, цветущий желтыми цветами, а за ним небесно-синяя ширь Селецкого озера. Почти слышно как растет трава. Посидели в траве, наслаждаясь летним пейзажем.

Когда идем уже по центру Погоста, двое мужчин, сидящих у стены дома, здороваются с нами и приглашают покурить. Мы подходим к ним. Я включаю магнитофон, и Алекси начинает задавать вопросы о рыбной ловле. Скоро вокруг собираются дети, собаки, овцы и даже несколько любопытных старух. Похоже, люди знают откуда я, местная информационная сеть – деревенская сарафанная почта – работает.

Мы с Алекси договорились, что вечером еще сходим к Александре Мироновой, которая днем исполняла для нас плачи. Мироновы живут в Погосте в современном доме, обшитом досками и окрашенном в зеленый цвет. Хозяин – деревенский печник. В доме мужчина лет 65-ти ремонтирует сети. Он соглашается на интервью. Его зовут Илья Степанович Миронов (род. в 1901г. в с. Сельги, д. Задний Северный Конец). Разговор начинаем с рыбалки и охоты: купцы из Шуньги покупали улов и охотничьи трофеи, сами торговать ездили в Повенец. А в Шуньгу ездили за лошадьми. Говорим о школах, больших семьях, часовнях, крестах на обочинах дорог, престольных праздниках. Закончили уже около 10-ти вечера.

Четверг, 28 июня 1973

Перед тем как начать рассказ об этом дне, расскажу еще кое-что о вчерашнем. Вчера с Мироновым зашла речь об иконах. Он для наглядности принес старую икону своей жены, закрытую стеклянной крышкой, которая хранилась на шкафу на кухонной стороне избы. Видно, он не очень ее ценил, но икона сохранилась, потому что была дорога его жене. Хозяйка Александра Миронова причитывала нам, один плач она исполнила для нас обоих. Спросив у меня, женат ли я и есть ли у меня дети, и получив ответ, что есть один, она сказала: «Слишком мало, должно быть одиннадцать». Она думала о моем незавидном и незащищенном в старости будущем. Чтобы как-то меня успокоить, она наговорила плач моему сыну Юхе.

В какой-то раз я попросил рассказать о деревенских плакальщицах. Мне назвали следующие имена: Акулина Ивановна Омелина (Южный Конец), Евдокия Евдокимовна Травина (Погост), Мария Ивановна Стафеева (Пряккиля), Александра Москина (Пряккиля), Тимофеевна (Задний Северный Конец), Ольга Ильинична Тукачева (Южный Конец), Анна Захаровна Логинова (Погост). Это всем известные и признанные плакальщицы, но вполне возможно, что таковые найдутся и среди более молодых женщин.

Сегодня день похорон. Мы выходим из дому около 9 часов и движемся через Южный Конец и Погост в Пряккиля. Туда же направляется все та же компания старушек, а часть из них уже на месте. Они радостно с нами здороваются. Мы ведь уже старые знакомые. Сегодня бабушки одеты в заметно более праздничные одежды. У многих на головах белые

платки. Но атмосфера и сегодня отмечена все той же беззаботностью. Клавдия Ивановна Дембитская сегодня в ударе. Она исполняет нам кумулятивный стих «Пошел я в Лякколю» и наговаривает даже кое-какие заклинания. Я записываю от нее заговор от боли в боках (гайрраhus), от головной боли, от ночницы, от сглаза и от ожога. Сегодня старушки отказываются причитывать, видимо, по причине того, что родственники и близкие покойной уже в доме.

Когда Дембитская пересказывает слова гайрраhus, я прошу ее показать, как это происходит на самом деле. Одна из старушек ложится в траву на живот. Дембитская берет палочку и начинает нажимать ей на спину и читать заговор. Алекси держит микрофон, я фотографирую. Бабушки звонко смеются.

Время идет. Все знают, что погребение должно произойти до 12 часов. Через какое-то время слышится шум автомобиля. Показался грузовик и за ним в облаке пыли маленький автобус. Грузовик останавливается перед домом. В кузове грузовика находится гроб. Покойница, 72-летняя Анна Федоровна, родилась в этом доме. Она уже несколько лет была разбита параличом и находилась в плохом состоянии, поэтому смерть не стала неожиданностью.

Из кабины выходят трое мужчин. Одного из них я знаю – это Пекка Локкин. Люди начинают собираться за кузовом грузовика. Автобус останавливается немного позади. Из него выходят люди, приехавшие проводить покойную. Люди здороваются друг с другом. От веселья нет и следа. Я замечаю слезы на глазах у женщин, а также у нескольких молодых мальчиков. Пекка Локкин, который, видимо, был за рулем грузовика, берет управление в свои руки. Он открывает задний борт кузова. Людской круг начинает сужаться.

Маленькую старушку в черном платке ведут из дома покойной к кузову. Это плакальщица Мария Ивановна Стафеева (род. в 1906 г. в д. Янгозеро). Начинается плач. Магнитофон записывает. Роза Никольская показывает мне на плакальщицу. Пробираюсь с ней к кузову. Исполняемый плач заставляет и остальных старушек заплакать. Слышатся всхлипы. Плакальщице приносят стул, на который она садится и отдается плачу. Ее плач не кажется мне столь же проникновенным, как плач Анны Захаровны в воскресенье. Но это только начало. Я стою рядом с углом кузова и держу микрофон довольно близко к плакальщице, обернув его бумажным носовым платком, чтобы ветер не шелестел в сетке.

Плач заканчивается. Машину заводят, и она медленно едет в сторону края деревни. Плакальщица идет за машиной и плачет, но голос почти пропадает в шуме мотора. Нам надо пройти около двухсот метров. Провожаящие, человек пятьдесят, следуют за нами.

Машина останавливается. Несколько мужчин запрыгивают в кузов. Вначале опускают большой крест, окрашенный в серебристый цвет. На его горизонтальную перекладину привязана белая ткань. Крестом занимается молодой человек, возможно, внук покойной. Спускают яркие пластмассовые венки. На гроб намотан пестрый платок. Гроб спускают вниз, его несут 6 человек. По крайней мере, один из них – сын покойной. Процессия начинает движение. Первым идет молодой человек с крестом. За ним плакальщица и рядом с плакальщицей я.

Вначале плач довольно тихий. Кажется, что плакальщица витает где-то в своих мыслях. По приближении к кладбищу плач усиливается: она здоровается с кладбищем и с лежащими на нем умершими, насколько я могу понять из слов причети. Тропинка, идущая по краю картофельного поля и через пожню, приводит в прохладные сумерки кладбищенской рощи. От больших сосен падают густые тени на поросшие лесом могилы. В толпе, идущей сзади, иногда слышался довольно громкий разговор. Но теперь все замолкают.

Могила, которую вырыли утром, глубиной около полутора метров. Сверху через могилу переброшены два железных лома – на них ставят гроб. Только что вырытую могилу нельзя оставлять открытой, ее следует чем-то прикрыть – жердями, досками или чем-нибудь другим. С гроба снимают цветастый платок. Становится виден гроб, окрашенный в красный цвет, на крышке которого очертания черного креста. Плакальщица становится у могилы со стороны ног покойной, рядом с дочерью умершей. Провожающие собираются вокруг могилы, спотыкаясь на мягком песке, окружаящем ее.

Стафеева начинает плакать – сначала покойной, потом ее дочери. На другом конце могилы женщина с грубым голосом начинает плач сыну покойной. На дно могилы кидают монеты. Ими выкупают место для могилы. Затем кто-то зажигает маленькую свечу, которую с помощью окружающих обносят вокруг гроба.

Гроб начинают опускать в могилу. Стафеева снова начинает причитывать, дочь мучительно всхлипывает. Плакальщица берет щепотку земли и сыплет ее через ворот на спину дочери покойной. (Позже Стафеева объяснила, что это делается для того, чтобы дочь не слишком печалилась.) Стоящие поблизости пожилые женщины начинают бросать песок в могилу. Старшие делают это деревянными палочками, но кто-то берет лопату и сталкивает ее кончиком песок на крышку гроба. Это занимает какое-то время. Слышится всхлипывание, но в голос уже не плачут. Пекка Локкин дает знак, и мужчины берут в руки лопаты. Через некоторое время могила закопана, устанавливается крест и сверху – венки.

У дочери покойной и, видимо, еще у кого-то (сначала и у плакальщицы) все время в руках были пакеты с какими-то вещами. Скоро предназначение его выясняется. Рядом находится обнесенная оградой могила, внутри которой установлен небольшой стол. Это могила мужа Стафеевой. Пакеты ставят на стол и оттуда достают свертки с едой и бутылки водки. В одном из пакетов рыбник из белого теста. Его разрезают, а корку кладут на могилу мужа плакальщицы. На могильный холмик кладут конфеты и сушки. У подножья креста я замечаю принесенные ранее сигареты и маленькую рюмку. Еще на могиле лежат какие-то ветки с листьями. Видимо, ими опахивали (кар. *рууһкiе* – букв. «подметать» или «вытирать». – *Ред.*) могилу и крест. В это время женщины «обметали» новую могилу, т. е. обносили вокруг нее ветки. Дочь покойной «обметает» могилу красной тканью.

Внезапно Стафеева опускается на колени перед могилой своего мужа и начинает причитывать. К счастью, я оказываюсь рядом, и мне удается записать и этот плач. После этого присутствующих мужчин угощают кусками рыбника и наливают по большой рюмке водки. Мы с Алексием тоже получаем свою часть. Из женщин рюмку предлагают только плакальщице, но она отказывается. Сын плачеи подходит к нам и благодарит за то, что мы снимали происходящее. Он приглашает нас завтра к себе. Благодарим за приглашение. Я доволен, что, судя по всему, наше присутствие не обидело близких покойной. Мы остаемся последними на кладбище, остальные уходят. Погребение закончилось как раз перед 12 часами.

Беседуем о произошедшем. Анна Хокканен делала в своей тетради пометки о происходящем в хронологическом порядке. Я доволен: ведь я побывал на настоящих похоронах и задокументировал живой обряд. Мы уходим с кладбища и, слегка усталые, бредем по направлению к дому.

Через какое-то время меня спрашивают. В дом пришел лесник Валерий попросить лески на удочку своему младшему брату. У меня есть целая катушка нейлоновой лески, и я с радостью отрезаю ему длинный кусок. Договариваемся, что вечером пойдем рыбачить. Валерий большой охотник – когда-то он даже свалил медведя на мысу Селецкого озера. Интересно было узнать, что в этих лесах встречаются дикие олени. Валерий рассказывает, что прошлой зимой он видел стадо около 100 голов недалеко от деревни в каком-то заливе в северо-восточной части озера. В здешних лесах еще водятся лоси, россомахи и даже рыси.

Пятница, 29 июня 1973

Спим дольше обычного. Погода, похоже, стала переменчивой. На сегодня у нас нет готового плана работы. Во время чая записываем Дунины

рассказы, после чего с Алекси отправляемся в сарай соседнего дома посмотреть нанополовину готовую лодку Макара. Похоже, у них в избе красят пол, как и во многих других домах в это время.

Сначала беседуем с Макко о традиционной охоте, после этого получаем подробную информацию об изготовлении лодки. Меня это не особо интересует, но Алекси задает вопросы и Макко дает подробные объяснения. Весь сарай с частично прохудившейся крышей напоминает этнографический музей: мялки и трепалки для льна, приспособление для гнутья деревянных полозьев и другие вещи. Уличная дверь в доме Макко особенная. На ней вырезано множество фигур наподобие родовых знаков или клейм, а посередине двери смолой или сажей нарисован крест. Почему-то я не решаюсь спросить, что это значит. Когда процесс изготовления лодки и инструменты, используемые при этом, а также их названия зафиксированы, мы с Тоней переходим в подвал дома осматривать сани, изготовленные Макко, и выясняем те же самые вещи, только теперь про сани. Погода приятно пасмурная. По-моему, идеальная для фотографирования.

Позже отправляемся к Евдокии Константиновне Травиной (род. в 1912 г. в с. Сельги, д. Погост), которая оказывается очень разговорчивой, хорошей рассказчицей и прекрасной сочинительницей частушек. Мы записываем около пятидесяти песен и частушек, рассказ о свадьбе и воспоминания о престольных деревенских праздниках. Я доволен результатом. Под вечер мы с Алекси решаем пойти в Задний Северный Конец, чтобы встретиться с местным гармонистом, так как я хочу записать еще образцы инструментальной музыки. Мы находим мужчину, сына печника Миронова, в его собственном дворе – он ремонтирует лодочный мотор. Дружелюбный мужчина хорошо понимает, что нам надо, но в этот раз не получится, объясняет он. Руки в масле, мотор сломан, а завтра нужно попать на озеро. Мужчина приглашает прийти в следующий раз.

Но мы еще не хотим возвращаться и заходим к женщине, которая пела во вторник на дороге. Это Мария Дмитриевна Матвеева (род. в 1928 г. в с. Сельги, д. Задний Северный Конец). По ходу не слишком оживленной беседы (не все свободно ведут себя перед микрофоном) она исполняет для нас пару десятков песен и частушек. Хозяйка рассказывает также о работе в лесу, которой женщины занимались после войны. Спрашиваю у нее, умеет ли она исполнять плачи. Она отвечает отрицательно, но признается, что причитывала на могиле отца лет пять назад. Для нее самой тогда стало сюрпризом, что она вдруг стала причитывать. Слова начали приходиться сами собой. Она была тогда беременной, что, казалось, по ее мнению, на здоровье ребенка (беременным, по народным поверьям, нельзя участвовать в похоронах. – *Ред.*).

Стол, накрытый у нас в избе, сегодня еще обильнее, чем обычно. Я высказываю удивление, но женщины поясняют, что сегодня Петров день. Значит, это все для меня! Именинника усаживают во главу стола. Стол ломится от еды и напитков. Поднимаем бокалы за все хорошее. Сначала поднимают за меня. Потом я, в свою очередь, за хозяев, а позже за всех нас, за нашу общую жизнь в этом доме и за обстоятельства, которые собрали нас всех за этим столом. Атмосфера торжественная, как и положено в такой момент. Но потом начинается веселье. Надя открывает радиолу и ставит пластинки. И начинаются «угловые (т. е. домашние. – *Ред.*) танцы».

Алекси и Галя, так же как и студентки, танцуют современные танцы. Дуне и Макару, этим сердечным старикам, кажется, смешно смотреть на танцы молодежи. Галя почти насильно вытаскивает Макара танцевать. Тут и старик топчется вместе с остальными под поп-музыку, но Дуня смотрит на это косо. Несколько шагов делает и Дуня, когда позже пробуем старинную кадрили. Я веду с Зоей принципиальную беседу о том, какие танцы лучше – новые или старые. Унелма немного обеспокоена тем, что я думаю про все это, – напрасно. Это же самые лучшие именины в моей жизни! В 24 часа выключается электричество, вместе с ним заканчивается веселый вечер, и мы отправляемся с Алекси «к себе» в чулан.

Суббота, 30 июня 1973

Идет дождь. Мы с Унелмой и Галей решаем пойти к Стафеевой в Пряккиля. Размытая дорога и вода, льющаяся с небес, не очень-то располагают к пешим прогулкам. Мы решаем попросить Валерия-лесника отвезти нас на моторной лодке на другой конец села. Входим внутрь. Валерий живет с матерью и женой в довольно большом доме. Валерий сразу же говорит, что нам обязательно следует выпить по стакану вина. Стаканы тут же выставляются на стол, и мы стоя выпиваем по целому стакану сладкого вина. Как Валерий, так и его мать проявляют ко мне по каким-то причинам особую симпатию. Валерий рассказывает, что осенью у них родится первенец. Валерий считает, что это будет мальчик. Он спрашивает у меня, как назвать наследника. Я говорю, назови Пекка, если ничего лучше не придумаешь. Все смеются. Не удивлюсь, если в следующем году в Северном Конце появиться мальчик с таким именем.

Валерий отвозит нас на своей лодке. Дует ветер, и сыплет дождь. Заворачиваемся в одежду, которую находим в лодке. Через полчаса мы в Пряккиле. Унелма бежит посмотреть, дома ли плакальщица. Она дома. Прощаюсь с Валерием. Мы не встретимся завтра, потому что ему сегодня нужно отправляться на обход. «Все хорошо, Пекка!», – кричит он много раз. Я машу ему рукой. Нос лодки поворачивается навстречу ветру.

Стафеева дома. Тихая женщина, у которой серьезный взгляд. Она отнесится к нам по-деловому – сдержанно положительно. Виртаранта ездил к ней прошлым летом. Она с гордостью показывает фотографию и письмо, на котором сверху написано: «Отделение финского языка Хельсингского университета». Уходим в заднюю комнату, оставив остальных за их субботними делами. Начинаем разговор с топонимов Янгозера, продолжаем беседой о престольных праздниках, свадьбах, традиции обходов домов и, наконец, добираемся до сказок, которые она знает: нам она рассказывает пять сказок. Сказки кажутся мне оригинальными или «настоящими». Унелма, которая разбирается в вопросе, говорит, что в них есть доля модернизации. От сказок переходим к похоронам и затем к плачам. Ощущение такое, что рассказывание сказок сильно оживило Стафееву. Она диктует на магнитофон слова плачей, но несколько плачей исполняет по-настоящему.

Сегодня суббота, и у людей много дел. Нам кажется, что мы уже достаточно помучали ее, хотя, по крайней мере, у меня остается такое чувство, что эта женщина может все что угодно. Она хорошая и терпеливая рассказчица, к тому же у нее хорошая память. Прощаемся с ней и уходим. Галя, оказывается, за это время поработала на славу. Она узнала, что в Южном Конце находится группа геологов из филиала и что у них есть моторная лодка. Так что нас ожидает молодой человек с казанкой. Садимся в нее, и в скором времени мы уже в Северном Конце. По пути я делаю несколько снимков.

Алекси встречает нас на берегу. Он был в бане вместе с Володей и стариком, но соглашается сходить в прекрасную хозяйскую баню еще и со мной. Состояние такое, какое только может быть после бани. Работа моя почти подошла к концу. Пленки заканчиваются, пришлось даже обратиться к тем, которые я получил от Есканена. Фотопленок осталась одна катушка. Все прошло по плану. Но не хочу еще заканчивать. В вечерних сумерках иду с Алексом в д. Задний Северный Конец к гармонисту, как и договаривались. Домашние, похоже, недавно пришли из бани. Нас явно ждали. Осталось только достать гармонь и начинать играть. Что хозяин Иван Ильич Миронов (род. в 1927 г. в Заднем Северном Конце) и делает. Звук инструмента очень сильный, поэтому мне приходится долго настраивать запись, пока я не получаю нужный результат. Целый час пишем музыку сележской гармонии.

Хозяйка Катерина Николаевна (род. в 1928 г. в Погосте) и ее гостя поют для нас несколько песен. Атмосфера умиротворяющая. Иван бегло играет свои любимые мелодии. Он рассказывает, что раньше играл на всех танцах в клубе. Женщины поют и даже исполняют несколько танцев. Маленький

мальчик сидит на печке и с интересом наблюдает за нами. За чаепитием я записываю нашу беседу. Хозяин рассказывает о жизни лесорубов. Записываем от него и предания о заселении края. Он знает о местах, где, по рассказам стариков, плавил руду. Время за полночь. Когда мы с Алекси возвращаемся, в нашем доме все уже спят. Мы идем в свой закуток и до света разговариваем. Мы знаем, что завтра наши пути разойдутся на неведомо долгое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ П. Лааксонен, будущий директор фольклорного архива Общества финской литературы (SKS) в Хельсинки, в 1973–1974 гг. одним из первых финских исследователей-гуманитариев в послевоенный период совершил две длительных экспедиционных поездки в среднюю Карелию, где работала экспедиция Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР. Результатом многолетних полевых исследований стали две коллективные монографии «Духовная культура сегозерских карел» (Л., 1980) и «Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел» (Л., 1981).

² П. Лааксонен в начале своей научной карьеры занимался цыганами Финляндии.

³ Карельские названия деревень даны в финской транскрипции.

⁴ Здесь П. Лааксонен имеет в виду знаменитый высокоурожайный и прекрасно хранящийся синий сорт картофеля (с темно-синей или сине-красной кожурой) с большим количеством крахмала, распространенный в те годы по всему Сегозерью и встречающийся до сих пор в некоторых местностях на севере Карелии и Финляндии.

⁵ П. Виртаранта, языковед, впоследствии академик, известный собиратель, автор многих уникальных работ по карельской народной культуре.

⁶ Магическое «поднятие лемби» – славуности, т. е. сексуальной привлекательности девушек, при помощи заговоров в бане.

А. П. Конкка

В ВЕРХОВЬЯХ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ. КОТЛАССКИЙ ДНЕВНИК

Приглашение отправиться на восточную окраину Архангельской области в Котласский и Вилеготский районы от уроженца тех мест и спонсора будущей поездки Андрея Побежимова поступило мне весной 2007 г. У каждого из нас были свои интересы. Андрея, помимо ностальгической поездки в родные края и посещения родственников, многих из которых он не видел уже почти 30 лет, интересовала местная топонимика и исторические предания, меня, прежде всего, всякого рода почитаемые места, где могли бы обнаружиться карсикко, или,